

Усиление идеологической компоненты учебного процесса в советской высшей школе в 1920-х гг.

Г. А. Петаченко,
доцент кафедры истории России,
кандидат исторических наук,
Белорусский государственный университет

Одним из основных отличий между дореволюционной и новой высшей школой являлась степень политизации учебного процесса. Роль и влияние идеологической составляющей на протяжении 1920-х гг. постоянно возрастали.

С первых лет существования советской власти и партийные лидеры (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев и др.), и местные руководители исходили из того, что советская высшая школа должна работать на принципах марксизма, что предполагает решение важнейшей первоочередной задачи – создание пролетарских кадров. Поэтому Народный комиссариат просвещения РСФСР (Наркомпрос) в своей работе руководствовался установками, в которых формулировались подобные требования: путем коренного изменения содержания учебных планов и методов преподавания во всех областях научных знаний сформировать кадры пролетарски зрелых высокопрофессиональных специалистов, владеющих и руководствующимися марксистской теорией [10, л. 3].

В 1922 г. постановлением СНК РСФСР определен общий научный минимум, обязательный для преподавания во всех высших школах РСФСР. Этот документ определял перечень таких общественных дисциплин, как исторический материализм, капитализм и пролетарская революция, политический строй и социальные задачи РСФСР. Целью постановления являлось усиление роли идеологической составляющей в учебном процессе, что должно было способствовать подготовке не только специалиста по отдельным отраслям народного хозяйства, но и ретранслятора партийной идеологии в обществе. Несмотря на важность поставленной задачи, начать изучение новых курсов было сложно, так как сказывалась нехватка преподавателей по этим предметам и надлежащих по содержанию учебных пособий [7, с. 103]. Преподавание новых курсов не могло проводиться с привлечением старой профессуры. Эти предметы были рассчитаны на преподавателей, мировоззрение которых уже базировалось на теории и практике революционного марксизма.

На протяжении 1920-х гг. в вузах объем часов, выделявшихся на преподавание общественных наук, постоянно увеличивался и максимально составил 252 часа. Данный учебный цикл включал несколько дисциплин: историю революционного движения, политэкономия, очерк государственного и хозяйственного права СССР, советское хозяйство и экономическую политику, исторический материализм, профсоюзное движение. В некоторых коммунистических университетах он был на 100 часов большим и дополнялся изучением истории классовой борьбы в России и на Западе, Конституции СССР, истории РКП(б) и основ ленинизма.

В 1925/1926 учебном году ГУСом был введен новый план преподавания общественно-политических дисциплин для всех вузов. На первом курсе изучались история классовой борьбы в России и на Западе,

Конституция СССР в связи с учением В. И. Ленина о государстве, на втором – история РКП(б), ленинизм, сельское хозяйство и советская экономика, на третьем – исторический материализм, хозяйство и право, история профдвижения [8, с. 39]. Серьезное значение придавалось также методам преподавания. В 1926 г. на заседании Президиума коллегии Наркомпроса РСФСР было принято решение о введении семинарско-лабораторного метода преподавания общественных дисциплин в девяти вузах РСФСР [1, л. 57].

К концу 1920-х гг. вопрос об идеологической подготовке студентов приобрел еще большую актуальность в связи с общей политической обстановкой в СССР и изменением партийных приоритетов. Постановлением научно-политической секции Наркомпроса РСФСР во исполнение резолюции июльского Пленума ЦК ВКП(б) о подготовке специалистов в 1928 г. был определен новый перечень общественных наук в вузах всех типов, отличавшийся от предыдущего тем, что он был индивидуализирован по видам образования. Прежде действовал единый план общественно-научных предметов. С одной стороны, установленный принцип должен был уменьшить количество предметов, что способствовало уменьшению сроков обучения в вузе. С другой стороны, за счет использования новых методов преподавания предполагалось улучшить качество идеологической подготовки студентов. Кроме этого, в учебные планы педагогических институтов и факультетов университетов вводился курс антирелигиозной работы [4, с. 18].

Необходимо отметить, что на практике часто существовала односторонность преподавания. По мнению одного из профессоров Донского политехнического института, «излишнее внимание к политико-экономическим наукам, которые являются детям не по плечу, изучаются на манер прежнего “закона божьего”» [3, с. 37]. Пролетарские студенты, желавшие серьезно разобраться в марксизме, иногда возмущались: «Сегодня Бухарин, завтра Бухарин, нельзя ли послушать и кого-нибудь другого?». Роптали и из-за того, что «почему же нам нельзя учиться по тем же книгам, по которым Ильич учился? Ведь выучился же он для пролетариата, читая и буржуазных мыслителей, почему же запрещают нам?».

Допуск читателей к «буржуазной» литературе все же существовал, хотя прежде всего ее могли изучать слушатели комвуниверситетов, которым разрешалось посещать библиотеку ЦК партии. Выпускник Коммунистического университета имени Свердлова в своих воспоминаниях пишет: «В библиотеке давали читать иностранные газеты, без права выписывать что-либо в свою тетрадь» [11, с. 231].

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. идеологическая составляющая учебного процесса наиболее очевидно выражалась в перечне предметов, ориентированных на изучение «революционного марксизма», в поиске оптимального их соотношения с общепрофессиональными предметами, в совершенствовании методик преподавания, в допуске к преподаванию идеологически проверенных и лояльных советской власти кадров.

Результаты такой подготовки специалистов далеко не всегда были ожидаемыми. Нередко в студенческой среде возникали стихийные сопротивления. Однако содержание учебного процесса в своей идеологической составляющей дополнялось повседневной работой со студентами партийных и комсомольских организаций, воздействием общей идеологической атмосферы. Поэтому в целом сочетание подобных форм и методов к концу изучаемого периода принесло свои результаты. Можно сослаться на десятки примеров, когда в студенческой прессе проводились прямые параллели между изученными теоретическими постулатами марксизма и реальной практической деятельностью, которая ожидает выпускников вузов. Так, часто высказывались напоминания о том, что «занимаясь академически, надо помнить и общественные задачи партийца или комсомольца. Надо посещать свои заводы и фабрики, чтобы не оторваться от своей среды и не завязнуть в “чистой науке”» [2, с. 33]. Для нейтрализации этой проблемы руководство Наркомпроса РСФСР активизировало процесс укрепления связи учебы с производством, видя в нем возможность пролетаризации студентов и преподавателей.

Необходимость тесной связи вузов с производством изначально была продиктована потребностями восстановления экономики РСФСР и других союзных республик. Это было возможно только при наличии условий, когда будущий специалист еще на студенческой скамье станет сочетать свою теоретическую подготовку с практической работой в производственной сфере. Укрепление связи системы образования и производства декрет СНК РСФСР 1923 г. предлагал произвести путем введения производственной практики. Согласно его положениям, предприятия и организации вне зависимости от формы собственности были обязаны предоставлять студентам места для практики. Устанавливались порядок и число выделяемых мест для практикантов: для промышленных, сельскохозяйственных и транспортных предприятий и организаций – 1 %, для всех остальных – 2 % от общей численности работников. Был определен и минимальный размер оплаты труда практиканта. Места практики должен был предоставить Наркомтруд и передать информацию о них в Наркомпрос РСФСР, который,

в свою очередь, распределял эти места по вузам. Количество мест, выделявшихся для прохождения практики, непрерывно увеличивалось. В 1922/1923 учебном году оно составляло 12,8 тыс., в 1924/1925 учебном году – более 20 тыс. Этих мест для потенциальных практикантов не хватало, дефицит составлял около 50 % [9, с. 16].

Производственная практика как элемент обучения имела ряд существенных недостатков, связанных с эпизодическим сотрудничеством вуза и предприятия или учреждения. Сотрудничество ограничивалось только летним периодом. За короткое время предприятие должно было обучить большое количество студентов, что требовало отвлечения от производства значительного числа специалистов, которых у предприятий и так не хватало. На большинстве предприятий на практикантов смотрели как на обузу, старались от них поскорее избавиться или сократить их число до минимума. Руководители предприятий хотели получить студентов, которых можно было использовать на производстве, а не обучать.

Расхождение в интересах приводило к тому, что большинство предприятий встречали студентов формально, исполняя некую повинность, возложенную на них законом. Часть студентов направлялась на работу не по специальности, иногда происходила задержка на одном и том же месте работы, тогда как требовалось ознакомить практиканта со всем производственным циклом. Возникали также проблемы бытового характера (например, для проживания студентов предоставлялись необорудованные помещения). Так, в Краснодаре химику-фармацевту предложили вакантное место ветеринарного фельдшера, а другого химика отправили на шерстомойку. Студент, специализировавшийся на изучении восточных языков, практиковался на московской швейной фабрике; других практикантов в столице использовали курьерами [13, с. 34]. Нередкими были случаи, когда студенты-практиканты были предоставлены сами себе, находились на заводе по восемь часов в день без какого-либо контроля со стороны администрации предприятия [12, с. 15]. Неудовлетворительная организация практики приводила к тому, что студенты вместо работы были вынуждены по несколько раз ездить с места практики в свои вузы для получения необходимых бумаг. Подобная организация проведения производственной практики не давала студентам необходимых практических навыков, а нередко и вовсе была формальной.

Отношение к производственной практике начало меняться после того, как в 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) был провозглашен курс на индустриализацию страны. На Всероссийском ректорском совещании, проходившем в мае 1925 г., основное внимание было уделено рассмотрению вопросов связи вузов с произ-

водством и, в частности, проблем, связанных с проведением производственной практики. В целях более согласованной работы вузов и предприятий за вузом закреплялось определенное предприятие с определенным количеством мест. Для более качественной подготовки студентов к созданию планов производственной практики привлекались представители администрации. Постоянная производственная практика вводилась со второго курса обучения, тогда как на первом курсе студент должен был получить определенный минимум теоретических знаний. Для улучшения организации проведения практики при ВСНХ создавались специальные комиссии. При этом четко определялась цель производственной практики: «Постановка практической работы студента должна заключаться в постепенном прохождении студентом производственных процессов, отнюдь не преследуя цели превращения студента в квалифицированного рабочего. Последовательное прохождение производственных процессов, начиная с низших форм исполнительного труда, должно помочь студенту усвоить весь комплекс трудовых операций, входящих в состав его будущей специальности» [1, л. 48].

К концу 1920-х гг. в связи с резко возросшими потребностями народного хозяйства в специалистах Наркомпрос РСФСР активно занялся реконструкцией учебного процесса в вузах, стремясь как можно больше сблизить обучение с производством. В 1928 г. методическим сектором Наркомпроса РСФСР были разработаны типовые учебные планы, по которым срок обучения в технических вузах вновь, как и в начале 1920-х гг., сокращался до трех лет. В 1928 г. на июльском Пленуме ЦК ВКП(б) был поднят вопрос о централизации и унификации системы высшего образования во всесоюзном масштабе. «В соответствии с перспективным планом развития промышленности» Пленум постановил «приступить с 1928/1929 учебного года к унификации систем технического образования СССР» [6, с. 142]. Было признано целесообразным ввести непрерывную производственную практику в вузах и отмечена необходимость контакта вузов с соответствующими хозяйственными органами.

Партийные решения потребовали внесения изменений в целевые установки вузов. Наркомпрос РСФСР занялся выработкой номенклатуры специальностей, необходимых государству для социалистического строительства. Одновременно шло определение «профилей» вузов, занимавшихся подготовкой специалистов по утвержденной номенклатуре. «Профили» должны были согласовываться с теми органами, для которых готовились кадры. В целях усиления связи с производством было принято решение о прикреплении к крупным предприятиям технических вузов.

Вопрос об унификации систем технического образования находился в центре внимания и профсоюзных органов. Администрация предприятий и профсоюзные объединения получили возможность оказывать решающее влияние на постановку учебного процесса. В конце июля 1928 г. СНК СССР был издан декрет о передаче в ВСНХ ряда специальных высших учебных заведений и техникумов. Для управления ими создавалась специальная структура – Главное управление высших технических учебных заведений.

Отличие нового плана подготовки состояло в том, что для каждого типа вуза разрабатывался индивидуальный перечень предметов, тогда как ранее использовался единый учебный план. В новом формате учебного плана уменьшалось количество предметов, что способствовало сокращению сроков обучения в вузе. При этом количество учебного времени, отводимого на производственную практику, возросло до 40–50 % от общего количества учебных часов. Вводилась система чередования теоретического обучения с производственной практикой, когда месяц учебы сменялся месяцем практики [5, с. 148].

Характерным для вузов 1920-х гг. являлся перенос акцентов с фундаментальной научной подготовки студентов на прикладную, узкопрофессиональную подготовку специалистов нового типа. Однако в целом постоянный поиск оптимальных решений организации учебного процесса не дал того результата, на который рассчитывало руководство страны. Негативные последствия непродуманной ломки учебных планов и применение «активных» методов обучения к началу 1930-х гг. стали настолько очевидными, что пришлось отказаться от продолжения реформирования и вернуться к прежней системе преподавания. Разумеется, социалистические ориентиры в подготовке «пролетарской интеллигенции» при всем этом еще более очерчивались.

Список использованных источников

1. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 2306. Оп. 69. Д. 563. Протоколы заседаний Президиума Коллегии Наркомпроса РСФСР. Подлинные и копии.
2. *Григсельбар*. Годовщина рабфака / Григсельбар // Красный студент. – 1924. – № 3. – С. 33.
3. *Каменев, С. А.* К вопросу о комплектовании высших учебных заведений и успеваемости студенчества / С. А. Каменев // Научный работник. – 1927. – № 3. – С. 37–38.
4. О внесении в программы курсов педагогики и методики необходимых для педагога сведений по антирелигиозной работе // Ежедельник Народного комиссариата просвещения РСФСР. – 1928. – № 30. – С. 18.
5. Об исполнении решений июльского пленума ЦК о подготовке технических кадров (Резолюция пленума ЦК ВКП(б) от 16/XI 1929) // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / Ин-т планирования и организации нар. образования; под ред. И. Д. Давыдова. – 3-е изд., пересм. и доп. – Л.; М.: Нар. комиссариат просвещения РСФСР: Огиз, 1931. – С. 142.
6. Об улучшении подготовки новых специалистов (Резолюция пленума ЦК ВКП(б) от 12/VII 1928) // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / Ин-т планирования и организации нар. образования; под ред. И. Д. Давыдова. – 3-е изд., пересм. и доп. – Л.; М.: Нар. комиссариат просвещения РСФСР: Огиз, 1931. – С. 142.
7. *Покровский, М. Н.* О реформе высшей школы / М. Н. Покровский // Красная молодежь. – 1924. – № 1. – С. 103.
8. Политминимум в вузах // Красный студент. – 1925. – № 6. – С. 39.
9. *Прозоров, Н.* Уроки прошлогодней неудачи / Н. Прозоров // Красный студент. – 1925. – № 3. – С. 16–18.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. Оп. 60. Д. 197. Партизадачи в вузах и рабфаках.
11. *Рожков, А. Ю.* Молодой человек в советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А. Ю. Рожков. – Краснодар, 2003. – 493 л.
12. *Ротенбург, Д.* Практикант – не накладной расход / Д. Ротенбург // Красный студент. – 1925. – № 3. – С. 15.

Аннотация

Статья посвящена сложной и малоизученной проблеме формирования новых принципов учебного процесса в советской высшей школе в 1920-х гг. На протяжении 1920-х гг. шел сложный процесс осмысления и освоения ее новых парадигм, которые приспособлялись, адаптировались к реальной ситуации, к изменяющимся общим политическим идеологиям. В основу реформирования легла не только общая идея создания человека нового типа, освобожденного от «буржуазного наследия прошлого», но и нового – «красного» – специалиста. В результате за это десятилетие наметились коренные изменения в структурных, организационных и идеологических основах советской высшей школы.

Summary

The article is devoted to the complex and poorly studied problem of forming new principles of the educational process in the Soviet higher school in 1920. Throughout the 1920s, there was a complex process of understanding and mastering its new paradigms, which also adapted, adapted to the real situation, to the changing General political ideologies. The reform was based not only on the General idea of creating a new type of person, freed from the “bourgeois heritage of the past”, but also a new “red” specialist. As a result, fundamental changes in the structural, organizational, and ideological foundations of the Soviet higher school were outlined during this decade.